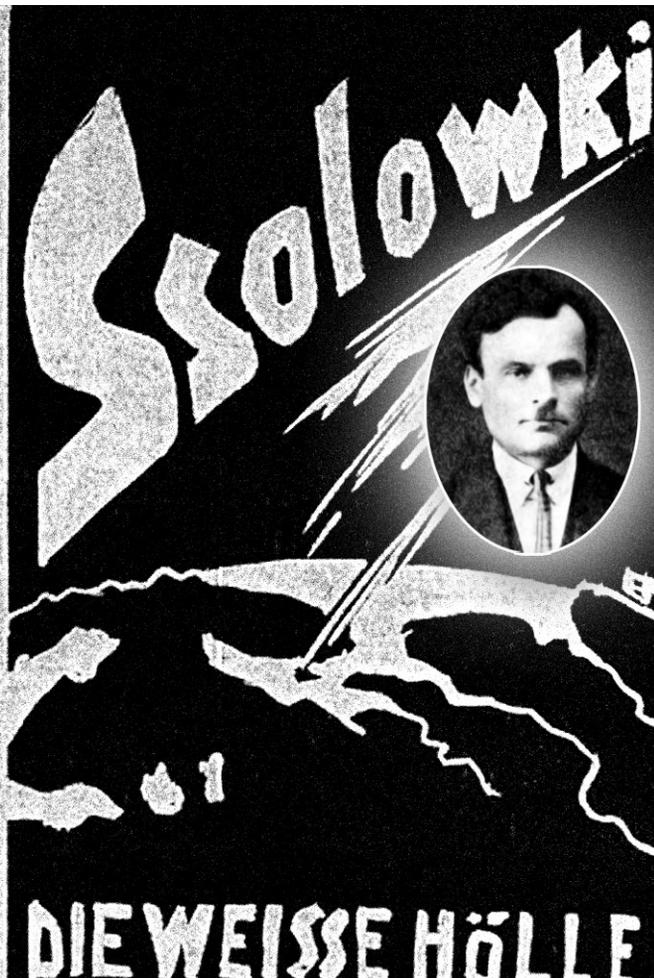

Священник
Вячеслав УМНЯГИН
г. Москва

ВОСПОМИНАНИЯ ЭРАСТУСА -

АПОЛОГИЯ В ЗАЩИТУ ТОНИМЫХ ХРИСТИАН

Сначала 1920-х до конца 1930-х годов на Соловках, где прежде находился один из самых известных и чтимых российских монастырей, был организован Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН).

Рай в глазах многих современников превратился в ад: «На месте, где пятьсот лет чувствовалось дыхание Всевышнего, теперь лилась кровь невинных, и дьявол, ликуя, плясал свою пляску смерти... Слово «Соловки» из символа светильника веры и подвижничества стало «Самым Страшным Словом России» – С. С. С. Р.», – передавал свое впечатление об этом заключенный Борис Солоневич.

До сих пор остается загадкой: сколько человек прошло через соловецкое заключение, сколько людей осталось лежать в этой каменистой и болотистой земле? Но не менее важным представляется вопрос и о том, что происходило в умах и душах заключенных, что они теряли, а что приобретали, следуя своим скорбным путем? Ведь не «только страшной зияющей ямой, полной крови и растерзанных тел...», по словам Бориса Ширяева, были Соловки в один из наиболее трагических

периодов русской истории, но и местом, где «стоны родили звоны, страдание – подвиг, а временное сменилось Вечным...»

Представленный ниже перевод очерка о Соловецком лагере особого назначения, впервые предлагаемый российскому читателю, выполнен с австралийского издания Русского миссионерского общества «Solovki: A Living Cemetery», увидевшего свет осенью 1934 г. Возможно, этот текст является англоязычной репликой книги «Solowki. Die weisse Hölle», которая была выпущена тем же обществом в Берлине весной 1933 г. за подписью «миссионер Эрастус» («Возлюбленный»), либо другого, пока не выявленного источника.

Во вступлении к немецкому изданию оговаривается, что имя автора скрыто из-за желания оградить его от преследований. Дается и краткая характеристика текста: не литературное произведение, не поэтический вымысел, но жуткий отчет очевидца о тяжелой судьбе верующих людей, который изначально не предназначался для широкого распространения.

Между тем уже австралийский издатель сообщает о том, что книга пользуется феноменаль-

ным успехом, быстро расходуется в Америке и выдержала несколько переизданий в Англии. Не скрывается и авторство, опубликована фотография и предано гласности имя мемуариста – А.Петров. Ныне сведения об Алексее Петровиче Петрове (1885–1961) можно обнаружить на электронных ресурсах евангельских христиан-баптистов.

Его труд – апология в защиту гонимых христиан. Одновременно это и обличительный документ, который, как и большинство воспоминаний о Соловках 1920–1930-х гг., призван предупредить человечество о надвигающейся мировой катастрофе («огонь зла, который вспыхнул в России вследствие несправедливости людей, распространится по всему миру»), привлечь внимание международной общественности к творимым в СССР беззакониям.

Очевидно, что, уничтожая религию как явление, безбожная власть наносила основной удар по Русской Православной Церкви, или, как ее именует автор очерка, используя дореволюционные названия, Русской греко-кафолической, или Русской ортодоксальной церкви греческого обряда. При этом советское правительство не делало особой разницы между представителями различных исповеданий, о чем свидетельствуют официальные документы той эпохи, в которых дифференциация либо вообще отсутствует, либо в один ряд ставятся «православные и католические епископы и священники, еврейские раввины, магометанские муллы, сектантские пресвитеры, проповедники, диаконы».

Все они, писал об этом Борис Ширяев, «церковники-тихоновцы, федоровцы, баптисты и даже несколько масонов ... валютчики черной биржи, растратчики ... незадачливые дельцы советской торговли, а вместе с ними захваченные в облавах проститутки и торговцы кокаином», попадали в 1920-е гг. на Соловки. В печально известный концлагерь, где, по мысли генерал-майора Ивана Зайцева, большевики выработали карательную систему, нацеленную «если не на физическое уничтожение, к чему они стремились, то, по крайней мере, моральное подавление не только своих классовых и политических врагов, но и всех инакомыслящих».

В случае с баптистами ситуация усугублялась их принципиальным отказом от службы в армии, что служило поводом для обвинений в «антисоветском и антимилитаристическом поведении».

По всей видимости, «Эрастус» избежал первой волны гонений в декабре 1923 г., когда после завершения XXV Всероссийского съезда баптис-

тов многие лидеры движения были отправлены в ссылки и лагеря. Известен доклад «Иисус, я люблю Тебя», прочитанный А.П. Петровым в мае 1926 г. в Большом зале Дома Евангелия на Большом Васильевском острове, где проходило его миссионерское служение.

Из письма, предваряющего воспоминания о Соловках, следует, что их автор был арестован в Ленинграде в августе 1927 г., спустя семь месяцев приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен по этапу в Кемский пересыльный пункт СЛОНа, оттуда – на Мягостров.

Основу этой, по сути, штрафной командировки, расположенной в Онежском заливе Белого моря, по свидетельству поляка Франца Олехновича, зимой 1927–1928 гг. составляли «уголовники – воры, убийцы, аферисты», чья концентрация в обычных условиях была значительно ниже. Разнясь в деталях, касающихся численности заключенных, выполняемого ими урока по заготовке древесины и прочих нюансов, оба мемуариста созвучны в описании гнетущей нравственной атмосферы советской каторги («ужасные страдания, кажется, не пробуждают людей к подлинным ценностям; напротив, они становятся еще более бесчувственными и озлобленными, грубыми и скрытными, чем когда-либо»).

За лагерным сроком, который по вине администрации затянулся до осени 1930 г., последовали ссылка на север Архангельской области и работа на лесоповале, «где жизнь и условия существования были хуже прежних». Через год «Эрастус» бежал в Маньчжурию, куда спустя некоторое время прибыли члены его семьи, включая малолетних детей. Упомянутый факт абсолютно нетривиален. Известны побегі советских заключенных, но известны и те подозрения, с которыми они сталкивались за границей, где многие считали невозможным бегство из СССР без негласной санкции властей.

За границей миссионер описал свои мытарства с момента объявления приговора до путешествия по Китаю, которое в настоящей публикации опускается. В Харбине он присоединился к общине баптистов, стал помощником пресвитера, сотрудничал со шведско-американским миссионерским обществом. В 1934 г. основал сиротский приют, который просуществовал почти 20 лет до прихода к власти в стране коммунистов. В последние годы жизни А.П. Петров занимался пересылкой духовной литературы в СССР.

Хотя мемуарист находился в одной из лагерных командировок, свое произведение он посвятил Соловкам, объясняя собственную осведомленность тем, что, «во-первых, Мягостров, где я от-

бывал заключение, находится совсем рядом с Соловецким архипелагом, а во-вторых, потому что пароходы из Соловков часто заходили к нам».

Подобный акцент скорее всего объясняется повышенным интересом к Соловецкому лагерю со стороны русской эмиграции и иностранцев, уже знакомых с очерком Эсера «Соловецкая трагедия» (1924), материалами сборника «Letters from Russian Prisons» (1925), публикациями И.Савина «Очерки о Соловках» (1925–1926), воспоминаниями С.А. Мальсагова «Адский остров: Советская тюрьма на Далеком Севере» (1926), С.Курейши «Пять лет в советских тюрьмах» (1927), С.Свежевского «Петербург – Соловки – Париж» (1927), R. Duguet «Un baigne en Russie rouge. Solovki: L'île de la Faim, des Supplices, de la Mort» (1927), Д.Ю. Бессонова «Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков» (1928), А. Клингера «Соловецкая каторга. Записки бежавшего» (1928), Б.Л. Седерхольма «В разбойном стане (Три года в стране концессий и «Чеки»). 1923–1926» (1928), А.Р.Грубе «Рассказ человека с «того света» (1930), М. Леонардовича «На островах пыток и смерти» (нач. 1930-х), А. Чикаленко «Соловецка каторга» (1931), прот. Михаила Польского «Положение Церкви в Советской России: записки бежавшего из России священника» (1931), И.М.Зайцева «Соловки. Коммунистическая каторга, или Место пыток и смерти» (1931), которые к моменту бегства Эрастуса на разных языках вышли в Америке, Англии, Германии, Италии, Китае, Палестине, Польше, Финляндии, Франции, Чехословакии.

Не добавляя ничего принципиально нового к рассказу о жизни и смерти советских заключенных, он всячески подчеркивает особенности по-

ведения верующих людей, «которые, наравне с другими разделяя тяготы заключения, живут иной жизнью ... утешают многих в лагере: никогда не обвиняют, не проклинают и не поносят ... знают, что и волос не упадет с их головы без воли их Небесного Отца ... полностью предали себя Богу, благодарят Его за все ... даже смерть не страшит верующих людей, поскольку глазами веры они видят за воротами смерти вечный день, вечную радость и любовь Бога».

Как можно было заранее ожидать, конфессиональная принадлежность приводит автора к критике Православия и дореволюционного устройства русского общества, отчасти справедливой, во многом голословной, в массе своей – наивной, учитывая собственные свидетельства о жизни в Советской России.

Несмотря на несколько предвзятое отношение, в очерке признается бедственное положение Русской церкви («в России Православная церковь практически разорена»), упоминаются притеснения представителей духовенства, которые составляли большинство из тех, кто страдал за свои религиозные убеждения («надзиратель несколько раз сильно ударил рукояткой своего револьвера двух пожилых православных священников»).

Говоря в целом, предлагаемые вниманию читателя воспоминания о Соловецких лагерях – важное свидетельство эпохи, в котором через описание событий минувшего столетия доказывается вечная истина о том, «насколько несчастен мир без Христа».

□

Священник Вячеслав УМНЯГИН

родился в 1972 году в Москве.

Выпускник и преподаватель Православного

Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Автор публикаций по истории Соловков,

ответственный редактор

ряда изданий Соловецкого монастыря.

В журнале «Север» публикуется впервые.

